

A person is shown in silhouette, holding a large blue umbrella. The background is a blurred city street at night, with warm lights from buildings and street lamps. The person is wearing a dark jacket and a light-colored bag with a pattern. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Ксения Ефремкина

Хрустальная роза дождя

Психологический триллер, или Офисная зарисовка

Ксения Владимировна Ефремкина

Хрустальная роза дождя.

Психологический триллер,

или Офисная зарисовка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917268

ISBN 9785448547072

Аннотация

Главный герой – романтичный, впечатлительный юноша, непризнанный поэт. Зато работать ему посчастливилось в здании готического особняка, среди неординарных людей. Постепенно вокруг героя сгущается зловещая, мистическая атмосфера, и он начинает верить, что способен приносить близким лишь несчастье. Роман о том, о чём обычно не принято говорить – о травле, защите личной информации, о границах добра и зла в этом контексте. Где найти силы любить и жить дальше, когда весь мир, кажется, против тебя?

Содержание

Авгуры	7
Рождественские чудеса для Валентина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Хрустальная роза дождя Психологический триллер, или Офисная зарисовка

Ксения Владимировна
Ефремкина

*...Засыпаешь, просыпаясь
В свидении чужом.*

Фотограф Buntysmum

Фотограф Michael Gaida

Фотограф Mike Wilson

© Ксения Владимировна Ефремкина, 2017

© Buntysmum, фотографии, 2017

© Michael Gaida, фотографии, 2017

© Mike Wilson, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-4707-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы не видели пустынный этот сад?
Где висят фонарики, там фонарики висят.
И не видно ни души во цвете лет.
Лишь колеблется необратимый взгляд (...)
Или объясняют от обратного,
Или Вы не видели пустынный этот сад...
...Это разноцветные проказники,
Разноцветные проказники шалят.

Света Литвак

Кто будет грезить,

Того будут грязить.

Александр Аи

Но нет, не сорвись, паутину с лица —
и ту неними, словно гостью прими,
Ведь только покуда она не снята,
почувствуешь, как паутину сплели...

Новелла Матвеева

Авгуры

Мягкое сияние зеленого торшера, едва развеивающее полумрак, придавало просторной комнате таинственность и чарующий уют. Но вдруг послышалось зловещее завывание ветра, проникающего через щели огромного окна с витражами в готическом стиле. Валентин, который все еще никак не мог согреться, зябко поежился и плотнее завернулся в свой плащ.

Молодой человек сделал глоток вкуснейшего английского чаю с молоком с привкусом пряностей и чего-то еще... наверное, праздника, хотя Рождество осталось позади, и провинциальный городок погружался в депрессию похмелья. Но в доме, куда был сегодня в очередной раз приглашен Валентин, всегда царила атмосфера праздника. Хотя это был довольно мрачный старинный особняк со множеством странных лестниц и темных углов.

Валентин пришел этим вечером в гости к своему работодателю, а также творческому наставнику и доброму покровителю, к которому испытывал невыразимое уважение и благодарность. Полгода назад Валентин Тельбах был всего лишь нищим непризнанным поэтом. Ни в одной редакции не брали на публикацию его стихи. Отчаявшись, чувствуя себя ни к чему не способным, он подумывал уже свести счеты с жизнью. Его останавливала лишь мысль о маме.

Его бедной маме, посвятившей ему жизнь, но в итоге сломленной жестокостью современного мира. Ее психика не выдержала. Увы, мать Валентина лежала сейчас в закрытом отделении психиатрической больницы. Валентин болезненно поморщился, ему самому не хотелось думать об этом факте.

Среди коллег Валентина эту тайну знал лишь его босс. Ему юноша доверял во всем.

С тех пор как жизнь случайно свела Валентина с Яковом Иосифовичем Оффманом, уровень жизни молодого поэта совершенно переменялся. Многие недоступные прежде вещи – ноутбук, солидный письменный стол, пирушки в ресторане, недорогая, но удобная мебель, – стали реальностью. Валентин постоянно навещал матушку в лечебнице и свято верил, что скоро она поправится и ее можно будет забрать домой. Даст Бог, она так обрадуется успехам и процветанию сына, что совершенно оправится и вновь станет такой, какой Валентин запомнил ее в свои золотые детские годы... Шопинг – вот бальзам для женской души.

Все это стало возможно с тех пор, как Яков Иосифович Оффман одобрил вирши Валика («Вы вполне профессионально пишете гениальные шедевры, молодой человек»), и предложил ему работу в своей компании с претенциозным названием «Центр творческих технологий». Яков Иосифович был владельцем нескольких предприятий, в том числе издательства «Парнас», полиграфической лавочки и двух

розариев.

Правда, Валентин сокрушался порой, что работа в офисе оставляет ему мало времени для творчества, но становиться вновь безработным тоже не хотелось, и роптать было грех. Тем более коллектив был сплочённым и на редкость доброжелательным, во всяком случае на первый взгляд.

И сегодня начальник пригласил скромного сотрудника к себе домой, чтоб высказать свое суждение о новом цикле его стихов «Узники великолепия, или Розы на снегу», что явилось огромной честью для Валика.

Полчаса назад Валентина встретила и провела в эту комнату дочь Якова Иосифовича, очаровательная пухленькая шатенка богемного вида по имени Виола. Ее томные, с поволокой глаза сияли такой простодушной добротой, что Валик практически влюбился, хотя предпочитал всегда стройных блондинок. Ему велели подождать, пока Яков Иосифович попросит его к себе в кабинет, как в лучших аристократических домах. Виола подала ему чай и спагетти с сыром, которые он уничтожил уже с огромным аппетитом.

Долгое время бедному юноше приходилось довольствоваться черствыми корками, баранками и чифиром, отчего кожа на лице приобрела нездоровую поэтическую бледность, а глаза – лихорадочный блеск. Валик давно заработал себе хронический гастрит. Но он считал это мелочью жизни, вспоминая, как доставалось в жизни его литературным кумирам Лермонтову, Гумилеву и Грину.

Сейчас все было иначе.

На работе все заботились о нем, женский коллектив буквально кормил и одевал его.

Если бы не Яков Иосифович, если бы не благословенное место на принадлежащем ему предприятии – кто знает, был бы Валентин жив сейчас?

Валентин с умиленной улыбкой вальяжно откинулся на спинку кресла, с интересом рассматривая роскошные безделушки вокруг.

И все же что-то вызывало у него тревогу. Он нахмурился.

Свист ветра... скрип половиц... приглушенный грохот редких автомобилей, проезжающих по тихой улочке за окном... неуловимо сливались в слова.

Валентин зажмурился и заткнул уши, он не хотел слышать, понимать, но слова все равно складывались во фразы, проникали в его уши и сознание, отравляя чужой злобой и ненавистью каждую клетку тела.

«Лузер... Неудачник... Ходячее недоразумение... Сын умалишенной... Шизофреник... Куда мать, туда и сынуля»...

Кажется, это были два негромких, звучащих в отдалении голоса, мужской и женский... Неумолимые интонации, жесткие слова, после которых, кажется, невозможно жить... и еще прозвучал приглушенный, негромкий, но все равно серебристо рассыпающийся женский смех. Валентин вспомнил даже стихи своего любимого поэта Бальмонта:

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Валентин потряс головой, стараясь избавиться от наваждения.

Ведь в его жизни сейчас все замечательно.

Неужели у него действительно постепенно «едет крыша», как у матушки?

Внезапно распахнулась дубовая дверь с резными завитками. На пороге стояла Виола, излучающая нежную женственность и изысканные манеры. И Валя забыл обо всем.

– Пойдемте, папа ждет Вас, – прозвучал ее тихий мелодичный голос. Дивные иудейские глаза торжественно сияли.

Валентин, стараясь вести себя как джентльмен, галантно поцеловал ее ручку.

– Виола, Вы очаровательны, будто сама весна... Это Вы готовили эти изумительные макароны? – восхищенно взирая на девушку, поинтересовался он.

Виола замялась.

– Это я! Это мой кулинарный шедевр! Паста по моему эксклюзивному рецепту! – раздался поблизости звонкий голос.

И Валентин не без удивления увидел Полину, стройную высокую зеленоглазую девушку, которая также работала вне-

штатным журналистом и переводчиком в «ЦТТ» – Центре творческих технологий. Она всегда смущала его своей смелой яркостью и нездешним совершенством.

– Вы что, тоже наносите визит господину Оффману? – спросил он.

– Нет. Я здесь, так как подрабатываю помощником Якова Иосифовича.

Ах, вот оно что! – ухмыльнулся про себя Валентин. Со-держанка! Какой позор! Она, оказывается, не только наемная сотрудница, но еще и личная помощница босса. Это вызвало у него нехорошие циничные мысли, но не поколебало его уважения к начальнику. Полина же, приглаживая золотистые кудри, совершенно не выглядела сконфуженной.

Виола шикнула на Полю, и та скрылась с глаз. Дочь Якова Иосифовича провела Валю через ярко освещенную гостиную, где сидели, смеялись и шумно гудели какие-то люди, в кабинет отца.

Господин Оффман, пожилой низенький кругленький еврей с лицом сатира и остатками рыжих кудрей вокруг лысины, так и просиял улыбкой. Он был в домашнем халате, галстук, расшитом брильянтами и со своей обычной золотой печаткой во всю руку.

– Прошу садиться, господин юный поэт. Сейчас нам подадут кофе. Или, может быть, самбуки?

Валентин присел и тут только ощутил, как сильно волнуется. Они часто беседовали с начальником о жизни, у них

было полное взаимопонимание, но сейчас речь шла о венце творчества Валентина. Но Яков Иосифович, как ни странно, принялся разглагольствовать о посторонних вещах, о состоянии экономики, о природе... Валентин же с благоговением разглядывал атрибуты роскоши вокруг: серебряные канделябры, трофейные олени рога над старинной конторкой, морские пейзажи фламандской школы...

– У Вас замечательная атмосфера в доме, – заметил Валентин.

– Да, это потому что здесь живут хорошие люди. А вот летом я приглашу тебя к себе на загородную виллу, то есть дачу, и мы сыграем партию в гольф, как два деловых человека.

Чуть-чуть придя в себя, Валентин решил спросить:

– А... того... как... мои новые стихи? Мне ведь очень важно лично Ваше мнение... Надеюсь, меня не постигнет судьба героини рассказа Чехова «Драма», – пошутил он.

Благодетель откашлялся. Сложив в замок пухлые, короткие, как у женщины, ручки, он прошелся туда-сюда по комнате, остановился у окна, полуотвернувшись от своего протеже.

Затем вернулся к столу и заговорил нехотя, откинув голову назад и будто читая при этом по какой-то бумажке, как Жванецкий.

– Друг мой, Ваши произведения не так уж плохи, но есть еще над чем работать. Вам не хватает усердия... Да-да, я в курсе, что Вы пишете на чистовик и не редактируете, по-

лагая, что вдохновение – это все. Собственное косноязычие Вы принимаете за несовершенство окружающего мира.

Валентин не верил своим ушам. Все его надежды рухнули. А он-то еще думал участвовать во всероссийском конкурсе! Вначале он попробовал спорить, возражать. Но вдруг ясно увидел, что его вирши и впрямь не более чем добротны, и он ни что иное, как графоман.

Валентин, будто находясь в каком-то странном трансе, процитировал пришедшие ему на ум строфы из стихотворения Бальмонта «Безглагольность»:

– Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

...Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

– Это временное явление... – проговорил, утешая его, наставник. – Быть может, мы Вас немного перехвалили. Мы оба с Вами принадлежим к богоизбранному народу, следовательно, должны сохранять мудрость и рассудительность. Знаете, скажу по секрету, я сам стал бизнесменом и, позвольте похвалиться, миллионером лишь после того, как по-

нял и признался себе, что мой талант совершенно зауряден. Не возражайте, я знаю, что Вы боготворите меня и мое творчество...

Отчаяние и стыд парализовали Валентина, он съежился, как древний старичок, глаза его потухли.

– А сейчас, любезный Валентин, простите, у меня важная встреча... Пришли люди из Дворянского собрания. Виола проводит Вас.

Его фактически выставляли вон.

– Я... я буду стараться, учиться, Яков Иосифович, – выдал он из себя.

– Вот и чудненько. А главное, в Новом году нам предстоит много серьезной работы в нашем издательстве. Все мы будем упорно трудиться, и я рассчитываю на Вас.

На пороге неслышно возникла Виола. Валентин не помнил, как она вела его на первый этаж, кажется, по тускло освещенным коридорам (несмотря на роскошь в стиле «барокко», в углах было полно паутины), потом по какой-то темной, жуткой и гулкой винтовой лестнице. Юноша вздрогнул, когда над его ухом с шелестом пронеслась летучая мышь.

– Прощайте... Вы обворожительны, – сказал он Виоле.

Она польщенно просияла. Так улыбаются только очень счастливые и избалованные дети.

– Пока. Заглядывай к нам еще!

Она рассмеялась, и он вспомнил, что уже слышал этот

смех сегодня. Но ему было не до этого.

И Валентин вышел под проливной дождь. Впрочем, все уже было неважно, ему даже хотелось бы смертельно простудиться. Он заслужил это, ни на что не годный писака, маратель бумаги. Он прошел несколько шагов по чужому английскому саду (на кустах все еще сверкали, подмигивая, разноцветные новогодние фонарики), под ледяными каскадами ливня, даже не пытаясь раскрыть зонт.

– Подождите! – раздался вдруг сзади окрик, и его догнала Полина Конкина. – Я отвезу Вас. Яков Иосифович попросил.

Валентин безропотно сел с Полей в хозяйский серебристый «Ауди», и они помчались по темным улицам. Валентин всегда скептически относился к девушкам за рулем, но Полина вела автомобиль совершенно уверенно. Нужно и мне поскорее отучиться на водительские права, подумал поэт.

– Отвратная погода, – проговорила Полина, поеживаясь.

Валентин безучастно смотрел в окно на блеклые нимбы фонарей, размытое марево незнакомых, казалось, улиц.

– Нет, почему же, – ответил он из вежливости, считая, что промолчать будет неделикатно. – Когда у нас в городке такая погода, мне кажется, что я где-нибудь в туманном Лондоне... А когда сияет солнце, мне представляется, что я в лучезарном Берлине.

– А Вы романтик! – отозвалась тут же Полина. – А имя у Вас какое поэтичное – Валентин.

– Меня угораздило родиться 14 февраля, в День всех

Влюбленных, – пояснил парень.

«Да... Вы и вправду будто дитя вьюги, стужи и солнечного сияния», – хотелось сказать девушке, которая давно заприметила Валентина и положила на него глаз.

– Вы похожи на американского актера Эдриана Броуди, – заметила Полина вместо этого. – Видели фильм «Пианист»?

Валентин стеснялся своей внешности – узкое лицо, длинный нос, что хорошего? Пряди длинных волнистых волос, уныло свисающие вдоль лица, придавали ему сходство с печальным спаниелем. А когда он глумливо усмехался, в его лице появлялось что-то дурашливо-козлиное. Надо было бы, конечно, поработать над своим имиджем, но Валентин считал, что не мужское это дело. Или ему попросту не для кого было стараться?

– Я не имею возможности смотреть всякие фильмы, – сухо ответил он, отвернувшись к окну. – Знаете ли, пока еще не купил себе DVD, да и вообще – считаю, это суета сует. Хватает других проблем.

Тут только он сообразил, что некрасиво жаловаться девушке на свои материальные трудности, и сконфуженно замолчал.

– Вообще люблю смотреть старые советские фильмы, например, «Весна на Заречной улице»... – решил он добавить. – Какая советская романтика! Так сказать, любовь без отрыва от производства... Все работали только на государство, восстанавливали народное хозяйство после войны, осо-

знанно выполняя свой долг. А сейчас... Какие порядочные, патриотичные были тогда люди! Какие честные труженики!

– А как Вам нравится работа в нашей корпорации? – поинтересовалась Поля.

– Да так... Нормально. Коллектив хороший. Хотя всякое, конечно, бывает.

– Да, – проговорила Поля. – Блеск... престиж... помпезность... и при этом едва скрываемое лицемерие, грызня, интриги...

– Вы тоже это заметили? Я думал, мне это кажется, – пробормотал Валентин.

– Увы, это так. Но христианство учит прощать... А кроме того, эта работа дает нам средства для существования, и мы должны ценить это.

Валентин оценивающе взглянул на Полину. Он вдруг понял, что рядом с ним чистая, умная, серьезная девушка. Он хотел бы, чтоб у него была такая сестра.

– А Вы не такая наивная девочка, какой кажетесь...

– Я отнюдь не наивна, – усмехнулась Полина.

Валентину стало вдруг жутко: может, она подслана начальством, чтоб выяснить о нем что-то? А вдруг у нее с собой какое-нибудь подслушивающее устройство? Но, глядя в ее добрые глаза, он тотчас же устыдился этих мыслей.

– Мне порой кажется, что на работе надо мной... подсмеиваются, – произнес он. – Что за спиной говорят другое, нежели в лицо...

– Так бывает со всеми и всегда. А Вы не ведите себя инфантильно... Не показывайте себя жертвой, чтоб не провоцировать хищников. Не обращайтесь на них внимания, думайте только о работе. Старайтесь быть как все. Порой, чтоб добиться своих целей, приходится идти на уступки коллективу, показывать, что вы не гордитесь. А главное – относитесь ко всему с юмором, с улыбкой! Наблюдайте за этой офисной жизнью как бы со стороны.

Валентин с досадой поморщился. Он знал и так эти расхожие истины.

– Как вы думаете, почему у вас за спиной ведут пересуды? – продолжала Полина.

Валентин ответил стихами своего любимого Константина Бальмонта:

– Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Я жажду случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

– Конечно, я не обращаю внимания на этих злопыхательниц, неотесанных колхозниц в женском коллективе, в кото-

ром работаю, – добавил юноша. – Все разговоры у них про варенья и соленья... Тоска, конечно. И они чувствуют, быть может, подсознательно, что я их презираю. И это является причиной их злобствования. Но для меня гораздо важнее мое творчество... мои научные статьи...

– А что за статьи Вы пишете? – оживилась Полина, печально качавшая головой.

– Например, сейчас я пишу «Созвучие мистических мотивов в творчестве Лермонтова и Одоевского на примере рассказа «Штосс».

– Одоевский – это тот самый, который писал фантастические сказки и подарил Лермонтову тетрадь с просьбой вернуть ее исписанной? Читала, читала его... Как интересно!

Валентин, приятно пораженный эрудицией девушки, с интересом взглянул на нее.

– А где Вы учились, Валентин? – спросила Поля.

– В Литинституте имени Горького, на отделении поэзии.

– Правда? Я тоже, только на художественном переводе...

Но я вас там почему-то не встречала.

– Я недоучился, – мрачно пояснил юноша. – Был исключен за пьянку... и за потасовку с одним негодяем.

За то, что я едва не убил препода – сукин сын приставал к девушке, в которую я был влюблен, добавил Валентин про себя.

Они остановились на перекрестке.

– Прочитайте что-нибудь из Ваших любимых стихов, – по-

просила вдруг Полина.

– Извольте. Стих Светы Литвак, называется «Летом».

Говоря негромко по-французски,
Медленно гуляем по аллее.
Сад ухожен. Весело и пусто.
За решеткой небо все алее.

Вечером катаемся на лодке.
Хорошо на озере в июле!
С берега травую пахнет сладко.
В улье пчёлы тёплые уснули.

Утром рано собирались ехать
По реке попутным теплоходом,
Среди ветра, дождика и смеха
Панорамы различая плохо.
А потом, не мешкая, – обратно
Медленной водою бесконечной.
На веранде чай заварен мятой.
Вечер наступает незаметно.

– Потрясающе! Какая прелесть! И Вы отличный чтец! – искренне восхитилась Полина. Валентин, хорохорясь, приосанился. Он почувствовал вдруг, что может быть откровенным с этой девушкой.

– Да... – вздохнул он, решив продолжить свои признания. – К сожалению, хотя я никому ничего плохого не делал,

у меня на работе много врагов. Напрямую мне никто ничего не говорит, понимаете? Однако... Едва отвернешься – шепот за спиной. Я же чувствую, что существует какой-то заговор! Или Вы полагаете, что у меня мания преследования?

Валентин ожидал, что Полина назовет его сумасшедшим, скажет, что он все преувеличивает. Однако она лишь произнесла:

– Держитесь. Судьба любого настоящего поэта всегда таинственна и трагична.

– Я хочу ладить с людьми, я сам по себе жизнерадостен, и я пришел к этим людям с открытой душой, но сейчас меня вынудили стать скрытным и подозрительным, как какой-нибудь... Шерлок Холмс.

Полина весело расхохоталась.

– Понимаете, мне уже надоело быть в постоянном напряжении, ощущать себя персонажем какой-то кошмарной компьютерной игры, где не знаешь, кто твой друг, а кто тайный враг, – прорвало вдруг Валентина. – Утешением мне служит лишь то, что... когда в назначенный час придется... когда я... – он хотел сказать «буду умирать», но поправился: – Когда меня уволят с работы... если вдруг... мне будет не жалко расставаться со всем этим. Как писал Лермонтов, «Была без радостей любовь, разлука будет без печали».

Полина только вздохнула.

– Но я не собираюсь пока уходить! – порывисто воскликнул вдруг Валентин. – Я не собираюсь уходить, пока не рас-

крою этот их заговор против меня, пока не выясню, с кого и чего все это началось, пока не раскручу всю эту цепочку до последнего звена! Я выведу их на чистую воду! Я не отступлюсь, пока не добьюсь этого! Рано или поздно я найду виновника своих бед!

– Тише, Валентин... Помните, как пишет Ваш любимый Бальмонт, «Будем как солнце! Забудем о том, кто нас ведет по пути золотому, будем лишь помнить, что вечно к иному, к новому, к сильному, к доброму, к злему, ярко стремимся мы в сне золотом... Будем как солнце всегда – молодое»... как-то там «будь же счастливее вдвое, будь воплощением внезапной мечты!»

– С другой стороны, – продолжал рассуждать Валентин, который подумал, что может поделиться с этой случайной, в общем-то, собеседницей своим горем, – когда мы отмечали Новый год... Хэллоуин... Или, скажем, когда празднуем чей-нибудь день рождения... На всех этих корпоративах, или, прямо скажем, попойках все кажутся такими милыми, хорошими... Все так друг друга любят... А я чувствую себя таким одиноким! Наешься, напьешься, а внутри такой духовный голод и опустошенность...

– Разрешите, я прочту свои стихи на эту тему.
Валентин с интересом воззрился на девушку.

– Наливайте мне, чтоб мне не быть больше скованной!
Не жалейте, отнявши и смысл, и мечту!

Наливайте мне, чтоб я была проспиртована.
Наливайте... Я не научилась по-новому.
Подыхаю я, сбитая злом на лету.
Я пустая бутылка, мечты мои отняты.
Все так думают! Пусть же крепчайший коньяк
В нос ударит, ознобом по коже – ништяк!
И померкнет в глазах солнца диск запыленный,
Будто на карусели кружусь окрыленно я
В тусклой комнатке, где торжествует мой враг.
С этой рюмкой сегодня забуду печали я,
Эту чашу я выпью сегодня до дна.
На разгульном веселье чужой вакханалии
Я не буду пьяней, чем от скорби пьяна.
Вакх свидетель, что в скорби всегда я сильна.
Да! В ничто и в тупик полечу я расслабленно.
Гимн хмельной унесет пускай буря – лети
Из штормящих лесов на морские пути!
Лишь один собутыльник, такой же расхлябанный,
Знает: выпью я за воскрешенье мечты.¹

Стихотворение показалось Валентину вполне достойным. Он удивился, как Полина может одновременно вести машину и читать стихи. Она внимательно следила за дорогой, однако ее лицо засияло вдохновением.

– Может, я как-нибудь напишу музыку на Ваши стихи.

– Я была бы очень рада.

В этот вечер Валентина будто прорвало. Он сам не осозна-

---

¹ Стихотворение автора.

вал, что внутри накопилось столько подавленных переживаний.

Полина была тактична и ни о чем не расспрашивала. Однако пока они доехали до дома Валентина, он уже рассказал ей и про маму, и всю свою жизнь...

Наконец они подъехали к его барaku в тихом переулке.

– Я хотела бы, чтоб у меня был такой брат, как Вы, – сказала Полина.

Паренек не стал приглашать ее домой, чтоб все не оползлять.

– Не унывайте, Валентин. Только не сдавайтесь. Мужайтесь.

– Легко сказать... Они все сговариваются, ополчаются против меня. Почему-то я им очень интересен для пересудов. Они все знают что-то, чего не знаю я... Как авгуры. Знаете, что такое авгуры?

– Естественно. Вот что. Я хочу поддержать тебя, Валентин. Я на твоей стороне. Давай мы с тобой договоримся, что тоже будем с тобой как два авгура, понимающие друг друга без слов, и об этом будем знать только мы.

– Замечательно. Договорились.

– А со временем найдешь себе на работе и других союзников. Многие люди не бросаются на твою защиту только из-за того, что еще пока не знают тебя. А некоторые молчат, так как боятся этих ваших стервозин. Прости за выражение, самой в свое время досталось. Потом мы тоже притянем их

на свою сторону. Ты хороший человек, и все у тебя будет замечательно... постепенно. Все утрясется.

Она крепко, по-мужски пожала его руку на прощание.

– Запомни, что я сейчас скажу тебе, – произнесла вдруг Полина, глядя вдаль. – Тебе не удастся сделать карьеру в этой компании.

Валентин оскорбился. Он тотчас же пожалел, что вел с этой девчонкой доверительные беседы.

– Ты думаешь, я боюсь что ли кого-нибудь?

– Вообще никого никогда не бойся. Но запомни, что я тебе сказала.

Валентин вышел из машины, хлопнув дверью. Полина с любовью провожала глазами его высокую худую фигуру.

Вместо промозглого дождя посыпались вдруг чудесные снежинки.

Рождественские чудеса для Валентина

Валентин явился на работу в отличном настроении, хотя его постоянно преследовала в последнее время смутная безотчетная тревога. Утро было замечательное, что называется, мороз и солнце.

– Здравствуйтесь! – громко сказал он, заходя в офис.

– Доброе утро.

Вокруг сияли добродушные улыбки. Валентин решил, что все плохое и впрямь осталось в старом году. Офис издательства был украшен маленькой чудесной елочкой, «дождем», серпантинном и сверкающей мишурой, еще одна «елочка» была сделана на стене с помощью обрывков мишуры и гвоздиков. За его столом сидел их компьютерщик Санек Пушанин, что-то делал с программой.

– Здорово, Пушкин! – Валик протянул ему руку.

– Приветствую.

Саня вытащил флэшку и лишь затем пожал руку товарища. Потом этот белобрысый парень с постоянно красными ушами ретировался.

Валентин сел за свой стол. Н-да-с, кто-то здесь уже похозяйничал. Он старательно вернул на привычные места все папки, бумажки, подставку для ручек и разноцветные стике-

ры.

– Наконец-то на улице воцарилась настоящая зима, – сказал Валентин.

– Белая береза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром... Рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани, – задумчиво проговорила, цитируя Есенина, пожилая, некогда, наверное, красивая армянка Эмма Султановна. Она единственная, пожалуй, относилась к юноше всегда с искренней добротой.

– Валя, иди поешь сальца с аджикой и хреновиной, – проговорила, хлюпая своим длинным аллергическим носом и стирая слезы от постоянных расстройств, бухгалтер Любовь Николаевна. – А то в чем душа держится. Ой, материалы не списываются, Боже ж ты мой. Ой, сегодня в три ночи проснулась и два часа чихала, думаю – что соседи скажут? Кошка и та на меня ругается, так интересно у нее получается: у-у-у-курлы!

«Вот какая хорошая, совершенно не злая женщина», подумал Валентин. «Может, я поспешил с выводами и можно еще все исправить, наладить отношения в коллективе?»

– Муля, ты что сегодня в брюках клёш и в белой рубашке, как на бой? – обращаясь к Валентину, спросила высокая и полная, с сумрачно нахмуренными бровями, Зинаида Гавриловна, которую Валентин называл про себя колхозницей. – Сегодня по плану девчонки?

– Просил же не называть меня Мулей, – сквозь зубы про-

цедил юноша, с трудом сдерживаясь, чтоб не запустить в Гавриловну степлером.

– Ну что, молодежь? – зам. главбуха Глафира Ивановна, овдовевшая полгода назад, стройная, с неряшливо отросшей стрижкой седоватых волос появилась на пороге из-за стеклянной ширмы, где находились столы ее и главбуха. У нее были резкие, порывистые движения подростка, что вместе с несерьезным стилем одежды прибавляло ей молоджавости. – Эй, молодежь! Ля-ля-ля, жу-жу-жу... Держим хвост трубочкой... Ну что у нас, в борделе все спокойно? Ой, а я Ванька внушка своего – тринадцать килограммов счастья вчера купала в бане!

– Сколько ему уже, Глафира Ивановна? – поинтересовалась Эмма Султановна.

– Полтора года... Он Урсулу дочку мою знаете как зовет? Мама-у, мамау! Зато со мной у него разговор короткий: ба-абк! – и за челку!

– А сноха ваша как? – спросила Эмма Султановна. Она выглядела как Галина Брежнева в соответствующем возрасте, разве что трудилась всю жизнь, в запои не уходила и брильянтов не носила.

– Ой, не спрашивайте... Жалко моего мальчонку. Посуду за собой сноха не моет, готовить даже не стремится научиться, да еще мне звонит: «У вас в холодильнике поесть нечего, нет йогуртиков и салатиков!» Сын уставший приходит и все делает. Надо было ее выгнать, пока ребенка не родила. Вот,

мотай на ус, Валюш, орел ты наш! А сейчас она что ты прям со своей дочей Викой, никому ее на руки не дает... Ванек кричит: «Ика! И-ка! Бла-бла-бла каля-маля...» А сноха его ногой отшвыривает, он летит через весь коридор... У нее, конечно, ревность такая к Ваньку...

– Бессовестная! Ну, бросит ее ваш сын! – ужасались все, качая головами.

– Глафира Иванна, ты когда прической займешься? Как я тебя буду замуж выдавать? Я тебе уже наряд приглядела! – спросила лучшая подруга Глафиры Ивановны Зинаида Гавриловна.

– Ой, Санчо Панса моя верная... На растущей луне! – поправила вихры замглавбуха. – Я вас еще всех поражу! Девчонки, да вы что! Правильно я говорю, Валюшка-подружка?

Тут вошла опоздавшая, как обычно, тощая, коротко стриженная офис-менеджер Ирина Рогова. Валентин ее ненавидел, так как жутко боялся, она его постоянно цепляла и, что называется, «катила на него бочку». Из-за хулиганистого характера и торчащих на затылке коротких вихров он прозвал ее «Зечкой» и «Шмарой», а из-за того, что она обнималась со всеми шоферами и подотчетниками, хотя была замужем и имела дочь – шалавой. У нее было противное выражение лица, то насмешливое, то жалостливо-пренебрежительное, но всегда будто брезгливое, капризное и недовольное.

Если раньше Ирина всячески оскорбляла и обзывала юношу без всякой на то причины, то сейчас у нее появилось ре-

альное основание для ненависти. Перед Новым годом Яков Иосифович поручил тяжелую рутинную работу, которую выполнял Валентин, а именно обязанности курьера и возню с наличными деньгами, Ирине. Валентин, выполняя эти функции, жутко опасался, что его подставят, всучат фальшивую бумажку, будет какая-нибудь недостача... Когда он был нищим, то был, по крайней мере, никому ничего не должен. А Валентин хотел быть всегда как беззаботная птица. Отныне у Валентина была более творческая и интересная работа. Молодой человек несказанно обрадовался, это стало для него лучшим новогодним подарком, он не мог поверить в это счастье. Наконец-то босс повысил его, восторжествовала справедливость! Все и впрямь было по справедливости: Ирине этой нечего делать, вот и пусть побегает теперь, а его наконец-то оценили! Но с тех пор ее придирки и выходки по отношению к нему так и посыпались, став вообще невыносимыми.

– У меня ветрянка у дочки, – заявила Ирина Рогова.

Тут же все наперебой стали давать советы. Валентин понял, что ему сегодня достанется от противной Роговой... Она видела в нем причину всех своих несчастий. Он являлся для нее самым настоящим козлом отпущения.

– Ты что плачешь, Любовь Николаевна? – спросила Ирина.

– Да вот, сынуля моя из армии сегодня звонила... – хлопнула носом Любовь Николаевна. – Бо-же мой...

– А я плачу только от сентиментальных фильмов вроде «Москва слезам не верит» или «Ромео и Джульетта», – сказала «зечка» и вдруг вполне миролюбиво обратилась к Валентину, так что тот даже поперхнулся чаем и закашлялся от неожиданности:

– Валя, ты уже набрал те объявления, что я тебя просила?

– Да-да, конечно...

– А в банке забрал документы, которые я тебе говорила?

– Забрал, – пробормотал юноша.

– Ну и молоток. Давай сюда.

«Кажется, жизнь потихоньку налаживается», подумал Валентин.

После утреннего чаепития (до приносимых в одиннадцать утра в большой корзине пирожков надо было еще дожить), женщины неохотно приступили к работе.

Валентин даже ушам своим не поверил, когда «зечка» Ирина, проходя мимо его стола, чтоб выйти из комнаты, вполголоса произнесла сквозь зубы: «Дурак!» А возвращаясь обратно, она вперила в него злобный взгляд своих огромных фиалково-серых глаз и прошептала: «Болван! Какое у тебя терпение еще!» Валентин сидел, боясь шелохнуться. Он смиренно уставился в компьютер, делая вид, что больше всего увлечен заполнением разноцветных экселевских файлов со статистикой. Но, вспоминая чаровницу Полину, он решил быть отныне сильным и стойким.

Обычно, когда Валентин реагировал на ее провокации,

Ирина, сказав гадость, сидела потом и улыбалась. Видно было, что она получает от этого удовольствие. Но сейчас, когда паренек оставался глух и нем, будто ее усилия были напрасны, Ирина, видать, не на шутку разозлилась.

Он украдкой взглянул на нее. Она сидела, насупившись, на лицо набежали морщины. Какая у нее сейчас рожа старая гнусная, с усмешкой подумал юноша.

Так продолжалось все утро. Несколько раз за утро к Ирине приходили отчитываться водители и прочие сотрудники, с которыми она работала. Она обжималась, кокетничала со всеми, а еще, весело хохоча, показывала пальцем на Валентина и что-то шептала своим мужичкам на ухо. Те глядели на него сочувственно. «Что они замышляют против меня», с тоской думал Валентин.

Когда молодой человек подошел к принтеру забрать распечатанные статьи, оказалось, что они перемешаны с ее документами. Валентин с леденящим ужасом явственно ощутил присутствие Ирины за своей спиной:

– На тот принтер пускай, сказала тебе, дундук! – сказала она достаточно громко, чтоб все слышали, вырывая у него из рук свои листы. Порывисто выбежав в коридор, она громко и эмоционально огласила здание и вовсе нецензурной лексикой. Валентин прошел на свое место и сел, как оплеванный. Тут было уже не до эффективной работы. «Когда же прекратится эта травля, зачем они хотят выжить меня отсюда», думал он.

Ирина вернулась на рабочее место, а вместе с ней в комнату ворвалась ее лучшая подруга, помощник руководителя, как ее называли в шутку, «генсек» Галина Пьянова. Эту рыжую женщину в теле, постоянно праздную и ничем не занятую, Валентин тоже ужасно боялся.

– Здравствуйте, кого не видела! – зычно заголосила она, и Валентину захотелось куда-нибудь срочно спрятаться, ретироваться. – Сегодня видели кровь на крыльце? Все крыльцо наше кровью залито!

Валентин вспомнил, что видел утром алые и багровые пятна на припорошенных снегом ступеньках, и ему тоже стало любопытно.

– Что это, что это, Галина? Расскажи! – раздалась со всех сторон нетерпеливые женские возгласы.

– Так и быть, слушайте. Вчера Зоя Будонова, то бишь Змея Особой Ядовитости из «Интерьера», в честь отпуска проставилась. Состоялась, как обычно в «Интерьере», попойка, Мотков с Данилиным передрались и разбили стекло на первом этаже! Мотков сегодня не пришел, говорят, рука у него сломана. А Кантеев ихний вчера убежал от греха подальше, а сегодня смотрю, ой-ой-ой, в белом свитере, что ты прям, как будто он не при чем...

Послышался хохот и возмущенные возгласы:

– Да в этот «Интерьер» вообще не зайдешь, перегаром на весь коридор оттуда всегда несет!

– Да от этой Зойки одни убытки! Вот Зоинька!

Валентин обрадовался, что язвительные бабы переключили внимание на что-то другое. Но вдруг...

– Да, вот так, моя любимая бюстгальтерия. Слушайте, девочки, какое кольцо мне заказать, это или это? Валентин, будь экспертом! Наш орел Валя! – обратилась вдруг «генсек» к юноше, который старался быть как можно незаметнее.

– Вот это вот мне нравится, – не своим голосом произнес Валентин.

– Ну, раз ты одобряешь, я это беру! А какие духи мне выбрать эйвонские, эти или эти? Нет, ты не подходи близко, а вдруг набросишься!

– Эти вот лу-лучше, – заикаясь, проговорил до смерти запуганный Валентин.

– Я тоже так думаю!

Потом Пьянова под села к своей лучшей подруге Ире, женщины начали перешептываться, шипя, как две змеи.

На свою беду, Валентин обладал острым слухом.

Юноша не верил своим ушам. Верней, не хотел верить.

Как бы ему хотелось, чтоб это оказались лишь слуховые галлюцинации!

– Ш-ш-ш... Недоносок... Псих... Зачем его здесь держат... А вдруг он еще и маньяк... Ублюдок... Ничего, ты подожди, скоро его вытурят отсюда, этого барана дефективного.

Потом Ирина, улыбнувшись так сладостно, будто ей только что преподнесли бриллианты, сказала:

– Вот я схожу к Якову Иосифовичу, и мы этому убогому скоро скажем «Гуд бай май лав!» И мы ему помашем ручкой! Кирдык ему! Ха-ха-ха! Гы-ы!

Что они задумали, с ужасом подумал Валентин! Он был уверен в Якове Иосифовиче, что тот хорошо знает и не предаст его, но тревожные предчувствия закрались в сердце.

Наконец секретарша ушла, и Валентин вздохнул с облегчением. Но не тут-то было.

– О Господи! Принтер бумагу мою зажевал! – провозгласила Любовь Николаевна. Вытащив картридж, она зачем-то потрясла им из стороны в сторону, отчего смешно прыгала ее грудь.

– Любовь Николаевна как грешит, сразу видно: принтер тут же ее выдает, – засмеялась Гавриловна.

– Нет, это Валя печатал и за собой не убрал.

– Вечно десять копий поставит и не убирает за собой, всю бумагу перепортил, – с неожиданной ненавистью сказала «зечка» Рогова.

– Муля у меня со стола все ручки перетаскал, – отчетливо произнесла Гавриловна.

Господи, им придумать что ль больше нечего?

Валентин, не поднимая головы, работал с бумагами.

– Кто же так тексты набирает! Настырный – ужас! Всему тебя подучать надо! Вот тебе бы у своего предшественника поучиться! – вдруг рявкнула на Валентина Ирина Рогова.

Валентин был уверен, что прав, и робко попытался оправ-

даться.

– Не «ну», а подводишь ты коллектив! – не унималась «зечка».

– Ну ладно, ладно тебе, Ирина, не надо на него таким прокурорским тоном, как будто он такой преступник здесь сидит! – не выдержав, вступилась Эмма Султановна. В ее негодуящем тоне слышалось искреннее возмущение несправедливостью. – Наверно, не первый лист уже набирает.

– Ой, всё, не хочу повторять, набирайте как хотите, я вообще больше ничего не скажу, – картинно разобиделась шмара.

Валентин так отупел уже от переживаний, что был не в силах ничего произнести, хотя мысленно возблагодарил Эмму Султановну.

Гавриловна вдруг поднялась с места и подошла к Ирине. Обернувшись пышным задом к Валентину, она склонилась к Ире, и вновь послышалось «змеиное шипение»:

– Шизофреник несчастный... дерьмо... сучонок нелепый... бр-р-р...

У молодого человека началась на нервной почве мучительная изжога, на лице появились зудящие пятна крапивницы...

Напоследок Зинаида Гавриловна сказала со смехом:

– А пусть он попробует нас отсюда уберет, если он такой крутой парень! – и она вернулась на место.

Потом «зечка» Рогова подошла к Эмме Султановне и ста-

ла что-то настойчиво шептать ей на ухо, убеждая ее в чем-то. Нетрудно было догадаться, о ком идет речь. Эмма Султановна только смотрела на нее потрясенно, потом проговорила: «Бедный мальчик!» Когда Ирина отошла, Эмма Султановна стирала слезы.

И вот тогда Валентину стало реально страшно.

Валентин старался не показывать свои переживания, даже бровью не поводить. Но от такого вероломства, непонятной ненависти и какой-то зловещей, сгущающейся таинственности вокруг него юношу будто парализовала смертельная тоска. Он уже не думал о качестве работы, едва находил в себе силы тупо выполнять повседневные обязанности.

– Валя, ты что это сложа ручки сидишь? – послышался затем голос Гавриловны. – Ты, Валюшка, не по работе, наверно, че-нибудь в интернете шуршишь?

– Я вообще не пользуюсь интернетом. Я работаю, – холодно сказал Валентин, но его голос был едва слышен.

В таком же духе продолжалось все утро. Неудивительно, что такой «замечательный» рабочий день казался Валентину какой-то вечностью в аду.

Валентин всегда старался поддерживать с утра хорошее настроение, но, увы, не всегда это удавалось. Утром давал себе слово: «Сегодня этим стервам не удастся испортить мне настроение!», но за долгий рабочий день всякое происходило. Невольно он расстраивался.

– Эта стерва (я прозвал ее Зечкой из-за короткой стриж-

ки и вихров на затылке), как что так срывается на мне, – пожаловался он Полине, встретив ее в коридоре во время обеда. – Нашла себе мальчика для битья. Скажет гадость, а потом сидит и улыбается. Представляете, со всеми мужичками, будь то шофера, компьютерщик, обжимается и ластится к ним. Я никого не осуждаю, я не ханжа, но так как она мне житья не дает, то я это прибавляю для характеристики ее «бессмертного образа». Отчасти утешает то, что главный бухгалтер и начальство ко мне хорошо относятся. А эта стерва и в их адрес допускает всякие оскорбительные замечания. Хорошо общается только со своими мужиками, хотя замужем, и со своей приближенной свитой. Думаю, со временем люди разберутся, кто перед ними, и поставят ее на место.

– А Вы представьте, Валентин, что вы – восточный единоборец... Или что вы – психиатр в сумасшедшем доме, а это Ваши пациенты. Вы же не будете расстраиваться из-за них.

Валентину понравился этот совет.

– Пойдемте сегодня прогуляемся, пофоткаемся? – предложила неожиданно Полина.

– Нет... Сегодня я очень утомлен, сижу сонный...

– Сегодня сказочный иней. О`кей, в другой раз. Ой, простите, мне, кажется, наши зарубежные консультанты голландцы звонят...

Послышался щебет птиц и дивная, сияющая всеми красками оживленная мелодия... Валентину понравилась мелодия на мобильнике Поли – песенка птицелова Папагено

из «Волшебной флейты» Моцарта.

Однако, слушая, как девушка любезничает по телефону с иностранцем, поздравляя его с наступившим Новым годом, он ощутил странное чувство наподобие ревности. С какой радости, интересно?

– Ну, можете рассказать мне еще о своих проблемах, – переговорив по телефону, сказала девушка. – Не смущайтесь, советуйтесь со мной. Я хочу поддержать вас и ободрить.

Незаметно для себя они вышли через проходную на улицу, спонтанно направились в старый парк, прошлись по замороженным снегом аллеям.

– Ну вот... С другой стороны, оглядываясь назад, понимаю, что часто переживал из-за мелочей. Жизнь ведь все расставит на свои места. Вспоминаю, как я отчаянно искал чужой любви и вообще признания в юности. Покупал товарищам и девчонкам-однокурсницам, которые не были особо близкими, а просто списывали у меня, дорогие подарки... Верил в дружбу, хотя обманывался вновь и вновь. Порой навязывался, заявляясь в редакцию со своими стихами и рассказами, заставляя взрослых людей их читать, хотя мне сразу же давали понять, что у них уже все распланировано на год вперед и печатают только блатных. Отдавал свой билет на «Студвесну», которые были в дефиците и мне давали как отличнику, знакомому парню из другого института. Да и вообще мне всегда нравилось делать людям добро, дарить что-то, радовать их. И о большинстве таких поступков

я не жалею. Ведь и нам с мамой люди очень помогали, даже вырастить меня мама не сумела бы без чужой помощи. Помню, я еще школьник, добрые знакомые дали нам мешок картошки, мы везем его на старой детской коляске через весь город. При этом говорим об искусстве, читаем стихи... Мы жили, как говорится, одним духовным. А богатые родственники, к которым мы приходили, даже за стол не приглашали, телевизор не предлагали посмотреть, зная, что у нас не работает.

И все-таки напрасно я так не ценил, не уважал себя. Неприятно, конечно, когда в таком возрасте, когда хочется романтики, даришь девушке цветы, приглашаешь куда-нибудь, тебе вместо этого говорят: «ты как будто не от мира сего, какой-то инопланетянин». Задним умом понимаю свои ошибки. А вот как не повторить их в будущем? Хотя бы ради мамы, которая посвятила мне жизнь, я должна быть сильным и уверенным. Больно, конечно, это все вспоминать...

Полина с Валентином медленно прохаживались по дорожкам парка. Потом зашли вдруг на детскую площадку и, стряхнув снег с сидений, присели на качели, как малые дети. Вокруг действительно был сказочный заснеженный лабиринт. Даже бомжи, собирающие бутылки, были как гномы в своих лыжных шапочках. Полина печально-мечтательным взглядом провожала молодых мамаш с колясками. Валентин смотрел на снежные сугробы, на растрепанные кусты, настоящие, не выдуманные, не описанные метафорично в никому

не нужных стихах. Как же давно он не любовался природой! Даже в новогодние дни сидел дома, усердно верстая эти статьи, будь они неладны. Солнце скрылось, но все же чувствовалась едва уловимая улыбка небес. Березки, отливающие розовым жемчугом. Серые кирпичные дома, переливающиеся в нежно-румяном сиянии зари... какой зари? Или же это была зоря зарождающейся любви?

Они почувствовали вдруг, что все слова излишни. Но Валентин все же решил продолжить свою речь:

– Но я, вне всякого сомнения, стараюсь стремиться к чему-то. Тем более, многие недоступные вещи сейчас стали доступны.

Однако на работе некоторые бабы уже почувствовали, что я независим от них, и стараются меня запугать. Постоянно замышляют что-то против меня, шепчутся, показывая на меня пальцем, отвлекая от моих статей, так что я не могу сосредоточиться. Так делают, конечно, ограниченное число людей, а именно прихвостни этой стервы Иринки Роговой. Представляете, угрожают мне: «В маленьком городке все журналисты друг друга знают, вот мы скажем, если ты уйдешь, что ты с работой не справился, и тебя нигде держать не будут». И номер твоего диплома, говорят, мы знаем. А в большинстве случаев мне ничего не говорят, только шушукуются, шипят, как змеи. Как я это называю, говорят не со мной, но обо мне. Что ж, я научился этого не бояться. Что они могут мне сделать, ведь мою работу оценивает

начальство, и противопоставляю им свой веселый смех. Да, это сплошная подлость.

Полина кивала, не перебивая его.

– Я понимаю, что это уже какой-то гротеск, такое трудно себе представить нормальным людям, но в нашем коллективе так действительно обстоят дела. Эта шалава и шмара Иринка говорит, что плачет от сентиментальных фильмов, а мне хочет не моргнув глазом сломать жизнь.

– Нельзя так говорить про женщину, какой бы она ни была, – сделала ему тут же замечание Полина.

– Но если это соответствует действительности? А я, ранимый впечатлительный человек, невыразимо страдаю от ее нападков и оскорблений?!!

– Как это ни странно прозвучит, Валя, однако же вы... крайне эгоистичны и замечаете только свои проблемы, – внезапно заявила девушка, спрыгнув с качелей.

Юноша чуть не вспылил от неожиданной критики своей утешительницы, но вовремя сдержался. Некоторое время они молча шагали по аллее, разглядывая окружающий пейзаж.

– Ну ничего, вот пожаловался Вам чуть-чуть, разделил свое «горе», и все уже не кажется таким ужасным. В действительности-то это все ерунда, я сам понимаю. Знаю, что вы поймете и не скажете, как некоторые «психологи», что это мне мерещится, что я все драматизирую и вообще сам виноват в таком отношении людей, ведь коллектив «всегда

прав». А то в юности выложил столько денег этим психотерапевтам, психоаналитикам, а слышал всегда одно: «Не бывают все плохими, ищи причину в себе, исправляй себя. Меняйся! А уходом из коллектива дело не исправишь, ситуация будет повторяться, будешь таскать ее за собой из одного коллектива в другой, пока не извлечешь для себя урок»... Меня запугивали этим, и я начал искать в себе какие-то ужасные дефекты...

– А вы что, собираетесь уходить? – спросила вдруг Полина, резко остановившись и в упор глядя на него, подняв брови. Она выглядела маленькой и прелестной, как эльф, в своей курточке с острым капюшоном, юбке в шотландскую клетку и шарфе в тон.

– Я подумываю об этом, – нехотя признался юноша, недовольный тем, что проговорился и вновь выдал свои планы. – А что здесь ловить? Я чувствую, что теряю здесь себя.

– А вам не будет жалко?

– Чего, Полина? Конечно, я привязан к своему столу, компьютеру. Знаете, как кошка – не к людям, а к обстановке. И еще меня останавливало уважение к боссу.

– Но ведь есть, наверное, люди, которые поддерживают вас... Я думаю, не следует с этим спешить.

«И неужели вы сможете бросить здесь меня!», мысленно вскричала девушка.

– Есть, разумеется, и хорошие люди. Я всегда верю, конечно, что добро побеждает зло. Например, есть у нас такая

интеллигентная женщина, армянка по национальности, Эмма Сумбатовна, ей уже за шестьдесят. Она постоянно поддерживает меня, все время цитирует классическую поэзию, даже удивительно, сколько она всего знает. Мне очень приятно общаться с этой почтеннейшей женщиной, она меня защищает. Вообще она напоминает мне мою бабушку. А эта стерва, представляете, когда Эмма Сумбатовна говорит «Надо совесть иметь», отвечает такой потрясающей поговоркой «Где совесть была, там хрен вырос». Да, только на это и хватает ее интеллектуального уровня. Постараюсь не поддаваться на провокации, смотреть на этих людей, изучая их со стороны, как Вы мне посоветовали.

– Я считаю, что Вам пока рано уходить, – упрямо повторила Полина, непримиримо сдвинув брови, как хорошенький ребенок, уперевшийся в какую-то причуду. – Сейчас у Вас может ничего не получиться, и Вы совсем растеряетесь.

– Вы же сами противоречите себе! – воскликнул наконец выведенный из себя Валентин. – Да это не твое дело, что ты мне диктуешь!

– Должно быть, Вы забыли, что несете ответственность за маму. Ей не на кого надеяться, кроме Вас.

– Не указывай мне, я всегда об это помню, – ледяным тоном произнес Валентин. – Ты всего лишь женщина и потому недальновидна, а я просчитываю на много ходов вперед. И это моя жизнь.

– Послушайте, Валентин. Сейчас Вы расстроены, Вам по-

стоянно действуют на нервы. Вдруг вы допустите еще какую-нибудь оплошность? Знаете, в конце концов все определяется в итоге тем, насколько человек может приспособиться, адаптироваться к коллективу, социуму. От этого зависит его успешность. От того, насколько индивидуум понял правила игры и соответствует среде. Но иногда... порой... – голос девушки стал тихим и вкрадчивым. – Порой все зависит от того, насколько Вы подходите какому-то человеку лично, каковы могут быть перспективы ваших отношений...

Поля искала подход к юноше, надеясь, что он догадается о глубине ее чувств к нему. Впрочем, она уже решила для себя, что все равно последует за ним повсюду, как верная жена декабриста.

Но, возможно, Валентин был не способен никого любить, так как не верил в самого себя?

– Не надо за мной ходить, – бросил Валентин, хотя им было в одну сторону, на работу, и пошел прочь, перескакивая через сугробы.

– Валентин, куда же вы прыснули! – жалобно кричала вслед Полина. – Простите, если допустила какую-нибудь бестактность! Можно я вечером зайду к вам домой, и мы поговорим?

– Ни в коем случае, – донеслось до нее.

Вернувшись после обеда и обнаружив, что делать практически нечего, Валентин, чтоб развеяться, достал из своего ящика заботливо запрятанные сборнички «поэтических ше-

девров для повышения настроения», как он это называл. Такие сборники он читал, когда у него было совсем уж плохое настроение, и невольно начинал смеяться. Сейчас он злился на Полю, сомневался в своих силах и в то же время его мучила совесть, что он резко разговаривал с девушкой.

Он спрятал позорные брошюрки под пухлые папки-«короны», делая вид, что просматривает договора.

Вот Агапов такой, дядюшка уже в годах, пишет на полном серьезе:

«Звезда горела на двоих...»

«Я прыгаю, как заяц по болотам...»

«Собака и лает, и молчит...»

«Внучок бежит, как лилипут...»

«Ты приходишь то и дело, как чудесная мечта...»

«Побудь со мной в моей бытовке,
Приличьям разным вопреки,
Где на протянутой веревке
Висят рубаха и портки».

«Живет на Кададе такой кобель – добрей всех кобелей
на белом свете!»

И это пишет лауреат всероссийских и местных литературных премий!

Один бластной мальчишка пишет все время про греческую мифологию. Или прекрасный местами поэт Максимов, такие вот потрясающие и эффектные строки:

«Лучше признай, что пришло время сдаться,
Ролей иных королева подмостков!»

Или еще:

«Несбыточности злая нить
Зарю зарезала напрасно».

А вот поэт Александр Аи пишет:

«Конь плясал. Глаза смеялись
Лаской карего зазыва.
Ключья пены с губ ронялись
Кружевнее пены пива...

...На него присел парнишка,
Обнял нежное оскалье,
И понес его коняшка
По-над лугом да к деревне,
Так что пот бежал по ляжкам
В сто ручьев свободы древней».

Да-а, от таких «перлов» сразу жить хочется, посмеивался Валентин. В свое время он откопал все эти книжечки среди художественного беспорядка на письменном столе в кабинете своего учителя, руководителя поэтического кружка в Школе искусств для одаренных детей Николая Андреевича Хохленко. Думается, библиотека от этого не обеднела.

Ближе к концу рабочего дня в их офисе неожиданно произошел еще один забавный инцидент! У них всегда сплетничали про отсутствующих. А сегодня так и вовсе заврались и запутались, уже сами себя переврали! Вышла к обеду одна женщина с больничного, которую с утра обливали грязью за глаза. А только утром с удовольствием обсуждали, что она спит на ходу и надо ее уволить. Срочно пришлось перестраиваться! Вообще у них про многих говорили гадости, так что Валентин не был одинок. Одну обзывали Зоя – Змея особой ядовитости, другую Шрек. Хотя на взгляд интеллигентного Валентина это были вполне милые женщины. Ну, тут же нашли другой объект для пересудов – женщин, которые уже уволились. Одна из сплетниц, зам главбуха Глафира Иванова, которая покровительствовала Зечке, принялась вдохновенно обливать бывших сотрудниц грязью, крича:

– Да, они и ошибки делали, и с работы постоянно отлучались, и вообще проститутки! (Прости, Валечка, что употребляю при тебе такие слова). Господи, прости меня за все сразу! Ведь не простишь! Ой, и такие они, и сякие. Что-то я разошлась, надо валерьянки выпить. Господи, прости ме-

ня за все сразу! Я ведь такая приятная пригожая девчонка... («девчонке» было хорошо за пятьдесят). Ведь не простишь!

Главбух Янина Георгиевна насмешливо проговорила, появляясь из-за своей стеклянной ширмы:

– Да уж, одни мы хорошие, остальные все...

Та, что вышла с больничного, бухгалтер по расчету зарплаты Людмила Васильевна, с удовольствием присоединилась к этой «культурной беседе»:

– Да, они постоянно меня подводили. И хотя я давно с ними работала, постоянно случалось и то, и это, и вообще не было субординации... Мы ведь не сплетничаем, а объективно говорим, правда, девочки? Вообще-то, конечно, нормальные девчонки, относительно ничего...

Тут у Глафиры Ивановны совсем сдали нервы:

– Да не защищайте Вы их, Людмила Васильевна! Они вас за спиной с землей сравняли, а вы не подозреваете об этом! Они вас так обложили перед начальством, а вы не знаете! Они продажные твари. Мол, и спите вы на ходу, такая спящая красавица... – то есть процитировала все то, что они сами же говорили утром про эту бабенку в ее отсутствие. Тут так и прыснул от хохота весь офис. – Ой, простите меня, девчонки, что-то я возбудилась, шас таблетку выпью...

Ну, все сотрудники лежали уже на столах. Даже сдержанный обычно Валентин громко фыркнул. Людмила Васильевна, тоже, кстати, сплетница хоть куда, чуть растерялась, изменилась в лице, но тут же смущенно улыбнулась и взяла себя

в руки:

– Ну, и Бог им судья. Я за себя, главное, знаю...

А все уже безудержно хохотали.

– Вот так все у нас любят друг друга, – произнес вдруг Валентин с печальной улыбкой философа.

А Глафира Иванна эта самая постоянно утверждала, что у нее дома и в здании, где их коллектив располагался, (то был бывший католический костел), обитают какие-то тени, бродят привидения и вообще нечисто. И дома у нее после смерти мужа творятся странные вещи... И вот, надо купить фэн-шуй какой-то, воткнуть в косяк иголку с красной ниткой от сглаза... «Да, да, ко мне перестала ходить после этих мер одна соседка, у которой глаз недобрый», поддакивала Людмила Васильевна. То и дело Глафира Ивановна изрекала:

– Ой, девчонки, опять у нас несчастье будет, вон мелькнула черная полоса в углу... Ой, вон пронеслось что-то... Ой, в прошлый раз после этого внук заболел...

Валентин уже хотел сказать, что гадости надо про людей поменьше говорить, тогда и нечистая сила мерещиться не будет, но промолчал.

«А в следующий раз всенепременно даже заступлюсь, когда все будут нападать на одного. Думаю, я уже достаточно окреп морально для этого. Ох, и не люблю я эти стадные инстинкты!» – храбрился Валентин в своем углу.

Глафира Ивановна вновь завела свою излюбленную тему:

– Ой, я и сплю обычно со шпингалетом, а вчера не закрылась, только легла с внуком своим Ванечкой – смотрю, дверь в туалет сама открывается и свет зажигается... А у меня цветок на подоконнике, луна светит через занавески, и вот как будто муж покойный стоит со своими пышными волосами... Уля говорит еще, мама, ты ничего не замечаешь? Как будто папа там стоит. Я говорю, Уля, я это давно уже заметила. Ну вот вчера как сняла портрет мужа покойного, Урсула моя говорит – полегче у нас стало. Ля-ля-ля, жу-жу-жу... Я хорошая, я приго-о-жая, только до-о-ля такая... Ты скажи-и-ка, расскажи-и-ка, где мой милый ночует... Если с Любушкой на poste-елюшке, помоги ему то-о-же... Девчонки, у нас еще в запасе в закромах есть бальзам «Огонь Прометей», помните об этом?

– Глафира Иванна, нужна, говорят, такая особая икона – Семистрельная называется, – начала вновь болтовню, с удовольствием отлынивая от работы, Людмила Васильевна. – Да и у нас здесь надо все ладаном окропить... Ой, вот у нас в моем родном Узбекистане одна казашка...

– Людмила Васильевна! – с улыбкой, но строго приструнила болтушку главбух Янина Георгиевна, появившись из-за стеклянной ширмы. – Когда же мы с вами будем отчет в Соцстрах сдавать?

– Щас, Янина Гавриловна... Ой, Георгиевна, извините пожалуйста... Ой, у нас с зарплатой еще никогда такого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.